

Т.В. Рождественская

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА РУСИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Письмо преобразует окружающий мир.

С. Франклин

Вопрос о появлении письменности на Руси до ее официального крещения столь же традиционен, сколь и решается неоднозначно в зависимости от интерпретации общего состояния источниковой базы. Отсутствие полноценных аутентичных источников и письменных свидетельств порождает дискуссии, вплоть до откровенных спекуляций на эту тему. Связь начала письменной традиции с развитием государственных функций, таких, как делопроизводство, законодательная практика, торговля, в том числе международная, не вызывает сомнений. Применительно к ситуации Руси речь идет о периоде IX–X вв., от которого до нас не дошло ни одной рукописной книги, но для которого мы располагаем пусть незначительным, но все же значимым набором артефактов, ставших известными благодаря археологическим исследованиям второй половины прошлого века. Этот период в истории восточнославянской письменности можно назвать *доручкописным*, или *докнижным*. Благодаря успехам археологии эпиграфические памятники этого времени оказываются единственными синхронными источниками изучения письменной традиции, что остается справедливым и для более поздней, «книжной» эпохи, в особенности для первых десятилетий после крещения, от которых не дошло ни одной точно датированной рукописной книги. В недавней монографии С. Франклина обобщается весь накопленный к настоящему времени материал раннего этапа письменности на Руси, которая рассматривается исследователем в широком социокультурном аспекте¹. В обстоятельной рецен-

¹ *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002; рус-*

зии А.А. Гиппиус замечает: «Вынесенный на обложку снимок первой страницы найденного в 2000 г. Новгородского воскового кодекса начала XI в. одинаково воплощает в себе древность восточнославянской письменной традиции и стремительный прогресс новейшей археологии, за полстолетия решительно преобразивший картину ее начального этапа, какой эта картина представлялась на основе традиционных источников»².

Древнейшие свидетельства об использовании элементов графических систем у восточных славян относятся к IX–X вв. Подробный обзор и анализ этих памятников дан А.А. Медынцевой в ее книге, специально посвященной развитию грамотности на Руси в домонгольское время³. Большинство из них связано с территорией Северной и Северо-Западной Руси, но есть и фрагментированные надписи, например, цифровые расчеты на амфорной керамике, найденные на юге — из раскопок в древней Тмутаракани и Саркеле (Белой Веже). Когда начинает активно функционировать трансевропейский путь *из варяг в греки*, когда местное население — ильменские словене и кривичи — оказываются вовлеченными в процесс межэтнических и этнокультурных контактов, когда развиваются торговые связи, в том числе международные, и в ранних городских образованиях на международных путях (Ладога, Рюриково Городище, Гнёздово, Тимерёвское поселение под Ярославлем, Сарское городище — древний Ростов) постепенно концентрируется княжеская власть и развиваются государственные административные функции, тогда появляется необходимость в использовании элементов письма в практических целях. Это такие сферы как торговля, ремесло, сбор дани, обмен, о чем свидетельствуют надписи или даже отдельные буквы на предметах материальной культуры — пряслицах, счетных бирках, керамической таре, костях животных. Примечательно, что следы письменности этого времени относятся к разным алфавитам, к разным этносам и к разным языкам, что связано с пестрым этническим составом населения, которое было вовлечено в круг славянского, балтского, финно-угорского и скандинавского взаимодействия. Для особой контактной зоны, каковую представляла собой территория Руси IX–X вв., характерны находки *скан-*

ский перевод: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

²Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси. (О книге: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950–1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2007. № 1. С. 171.

³Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000. С. 230–255.

динавских рунических надписей (Ладога, Новгород, «Рюриково» Городище)⁴, куфических арабских (на диргемах), греческих (Петергофский клад)⁵ и кириллическо-греческих (надпись на астрагале, найденном на городище Горналь)⁶. Все это свидетельствует не только о знакомстве жителей Руси с этими графическими системами, или даже их элементами, но и о возможности сосуществования их в пределах одного социального коллектива. Что же касается знаменитой гнёздовской надписи, датирующейся началом X в., которую традиционно считали первой кириллической надписью на славянском языке, то, по мнению А.А. Медынцевой, ее графические особенности, имеющие аналогии как в кириллическом, так и в греческом письме, не находят «в настоящее время однозначного объяснения»⁷. Высказывалось также и мнение, что «краткость надписи не позволяет убедительно определить ее языковую принадлежность — древнерусская она или южнославянская» и что «палеографические особенности надписи имеют аналогии как в древнерусском, так и в древнеболгарском эпиграфическом материале»⁸. Более определенно о возможной принадлежности гнёздовского граффито памятникам болгарской, а не древнерусской эпиграфики пишет А.А. Гиппиус⁹. X столетием датируется печать Святослава Игоревича с фрагментами букв с т л. Однако А.А. Медынцева отмечает, что «плохая сохранность и фрагментарность сохранившихся букв не позволяют понять, греческую или кириллическую легенду несла на себе древнейшая русская печать»¹⁰. К кириллическим славянским надписям А.Н. Кирпичников относит расчищенную им надпись на мече: *слав... третьей четверти X в.*¹¹, которую А.А. Медынцева реконструирует как имя Слав(о)м(и)р(ь)¹², однако отмечая при этом, что «собственно кириллических букв, отличных от греческих, в надписи не представлено»¹³. Еще один памятник «клинковой» эпиграфики —

⁴Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁵Рожественская Т.В. Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 36–39; Медынцева А.А. Грамотность. С. 230–255.

⁶Медынцева А.А. Грамотность. С. 245.

⁷Там же. С. 247.

⁸Рожественская Т.В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб., 1991. С. 25.

⁹Гиппиус А.А. Социокультурная динамика. С. 185.

¹⁰Медынцева А.А. Грамотность. С. 245–246.

¹¹Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды Международного конгресса славянской археологии. М. 1998. Т. 4. С. 246–257.

¹²Медынцева А.А. Грамотность. С. 93–95.

¹³Там же. С. 94.

надпись **Людота (Людоса) коваль**, которую А.А. Медынцева, вслед за А.Н. Кирпичниковым, склонна датировать концом X — первой половиной XI в. Что касается кириллических надписей на новгородских деревянных цилиндрах (бирках) № 6 и 7, первоначально датированных 970–980 гг. и привлекаемых как свидетельство применения славянского письма в дохристианскую эпоху, то А.А. Гиппиус, вслед за В.Л. Яниным, относит их уже к христианскому времени, рассматривая эти находки в контексте комплекса XI–XII вв. аналогичных бирок, происходящего с Троицкого раскопа¹⁴. Детально обсуждая каждую из находок со следами славянской письменности, А.А. Гиппиус приходит к выводу, что археологические датировки их расплывчаты, и потому задается вопросом: «Достаточно ли этого, чтобы говорить об освоении славянского письма в практических контекстах в эпоху до официального крещения?»¹⁵. Таким образом, достоверно славянские надписи датируются в рамках самого конца X в. и рубежа X–XI вв., а к X в. мы можем отнести лишь надпись на мече **слав...** Малочисленность подобных находок заставляет согласиться с предположением А.А. Гиппиуса о том, что «более реалистично было бы связать древнейшие (до конца X в.) свидетельства «практического использования славянского письма на Руси с начальным распространением на ее землях христианства»¹⁶. Примечательно однако, что надпись на мече X в. с именем **Слав...** (если принять ее славянскую интерпретацию) оказывается связана с военно-дружинной средой, в которой, судя по кладам восточных монет IX–X вв. из археологических комплексов Новгорода, Гнёздова, Киева, Тимерёва и Верхнего Поволжья, бытовала традиция нанесения граффити на монетах — изображений военно-дружинной символики: мечей, ладей, паруса; к ним примыкают монеты со знаками Рюриковичей, а с проникновением христианства появляются изображения креста¹⁷. Эта традиция, по мнению исследователей, интернациональна и находит аналогии как в скандинавском материале, так и среди граффити на территории Хазарского каганата¹⁸. Естественно предположить, что славянское и греческое письмо начинало проникать в практику через христианизирующийся на ру-

¹⁴ Гиппиус А.А. Социокультурная динамика. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ Там же. С. 187.

¹⁷ Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 110–119; *Рождественская Т.В.* Воины и корабли в древнерусской эпиграфике // Труды по русской истории. Сб. ст. в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 264–275.

¹⁸ Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 146.

беже X–XI вв. слой княжеской дружины и обеспечивающих ее быт ремесленников.

Вместе с государственной христианизацией появляются древнейшие русские монеты — *златники и сребреники* Владимира, Ярополка и Ярослава Мудрого с надписями на них — кириллическими славянскими: **Владимир на столе, а се его сребро, Ярославле сребро**¹⁹. Вследствие официального крещения Руси возникает новая культурная и языковая ситуация, определяющая роль в которой принадлежит древнеславянской (кирилло-мефодиевской) письменной традиции. Постепенно формируется меняющаяся «графическая» среда (термин С. Франклина), подробно рассмотренная С. Франклином²⁰. И если в начальный, «дописьменный» период используются в прагматических целях лишь отдельные элементы разных графических систем, что отражает этнокультурные контакты на восточнославянской территории разных этносов (скандинавского, славянского, греческого, тюркского), то в христианскую эпоху происходит качественное изменение ситуации. Вхождение новокрещеной Руси в круг византийско-славянской христианской культуры способствовало быстрому распространению письменности как части этой культуры. К первой трети XI в. относится, как известно, деревянная Новгородская Псалтырь с текстами псалмов на ее восковых страницах, демонстрирующая процесс освоения и усвоения церковнославянского богослужебного языка. Употребление славянской письменности в надписях на древнейших русских монетах как знака независимой государственной власти, с одной стороны, и первый церковный псалтырный текст с признаками русификации, с другой, являются отражением единого процесса.

Не вызывает сомнения связь письма на воске с пергаменным письмом древнейших славянских рукописей. Вместе с тем, особенности орфографии («одноеровая» с ъ графика) и палеографии Новгородской Псалтыри на восковых страницах находят аналогии и в древнеболгарских эпиграфических памятниках X–XI вв.

В последние десятилетия XX в. К. Попконстантиновым был частично введен в научный оборот эпиграфический комплекс из раскопок монастыря IX — начала XI в. в с. Равна (г. Провадия, Варненский округ), посвященного Богородице²¹. Наличие более 300 разнообразных надписей-граффити на остатках стен построек (греческих, сла-

¹⁹ Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.

²⁰ Франклин С. Письменность. С. 43–226.

²¹ Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост през IX–X в. // Старобългарска литература. 1985. 17. С. 39–69.

вянских глаголических и кириллических, праболгарских рунических, надписей «смешанного» типа — греческо-кириллических), рисунков крестов, монограмм, животных, фрагментов орнаментов, находящихся аналогии в украшениях глаголических рукописей, свидетельствует о существовании здесь в эпоху царя Симеона монастырского скриптория, одного из ранних центров славянской письменности «золотого» века, в котором насельники монастыря обучались не только грамоте (найдено несколько греческих и кириллическо-греческих аббедари-ев), но и переводческому делу (двуязычная греческо-кириллическая надпись, воспроизводящая 3-й стих 53 псалма, греческая надпись, цитирующая 13–16 стихи 144 псалма и др.)²². Это реальное свидетельство усилий царя Симеона по распространению славянской письменной культуры. В 1957 г. был открыт скальный монастырь около с. Мурфатлар (Румыния, Басараб), где на остатках стен шести церковных зданий и построек X в. обнаружено более ста праболгарских рунических и «руноподобных» знаков, кириллических, глаголических, греческих надписей и букв, а также около 1000 рисунков²³. Все они относятся к христианскому времени и свидетельствуют о распространении славянской письменности в полиэтничной (праболгарской, славянской, греческой) монашеской среде. Соотнесенность надписей с археологической средой определяет их датирующие возможности, что имеет самостоятельное значение для датировок рукописных памятников на одном из ранних этапов развития славянской письменности. Наиболее близкие аналогии в орфографии и палеографии текстов псалмов на страницах деревянной Новгородской Псалтыри выявляются, прежде всего, в надписях на оловянных подвесках-амулетах X–XI вв. с апокрифическими заговорами от *трясавиц* и *нежити*. Большинство этих амулетов найдены на территории Северо-Восточной Болгарии (районы Преслава и Добруджи), т. е. там, где после смерти первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия их ученики продолжают развивать традиции славянской письменности. В некоторых из этих надписей, в частности, в надписи X в. на амулете из Силистры, использована, как и в новгородской псалтыри, одноерова (ъ) система²⁴. Можно предпола-

²² Попконстантинов К., Костова Р. Скрипторият в Равненския манастир: още веднѣж за украсата на старбългарските ръкописи от IX–X вв. // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване. Medieval Christian Europe: East and West. Tradition, Values, Communication. София, 2002. С. 719–725.

²³ Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост. С. 68–69.

²⁴ Публикуя текст этой надписи, К. Попконстантинов и В. Константинова отмечают, что «по своим палеографическим особенностям в целом оловянный амулет демонстрирует удивительное сходство с письмом Енинского апостола (аналогична графика м, в, д, т, с, ъ, ѓ, ч,

гать связь этих графических навыков, приемов письма и орфографии с определенным кругом памятников древнеславянской богослужебной и апокрифической книжности.

Итак, если на Руси в дохристианскую эпоху в княжеско-жреческой и торгово-военной среде торгово-ремесленных и военно-административных центров с их полиэтничным (славянским и неславянским) населением использовались знаки иноязычных и иноэтничных алфавитов (скандинавского рунического, греческого, славянского кириллического, на юге — куфического), скорее всего как магические знаки и знаки собственности, то с Крещением распространение кириллической письменности и церковнославянской книжной культуры приобретает государственный статус. В частности, об этом свидетельствует и одна из древнейших датированных надписей — надпись 1068 г. на Тмутараканском камне, сообщающая о государственной акции князя Глеба Святославича²⁵. Выходя за пределы церковных и монастырских скрипториев с профессиональными книжниками и писцами, грамотность, как показывают памятники эпиграфики, проникает в разные социальные слои древнерусского общества. Об этом свидетельствуют владельческие надписи и подписи мастеров — литейщиков, ювелиров, древоделов, бочаров, косторезов и камнерезов, живописцев, иконников и др. Согласно классификации, предложенной А.А. Медынцевой, выделяется, с учетом способа начертания и категорий вещей, несколько групп такого рода надписей, во-первых, надписи: 1) на амфорах-корчагах; 2) на пряслицах; 3) на серебряных платежных слитках; 4) на литейных формочках; 5) на стенах зданий; 6) на плинфах и строительной штукатурке. Во-вторых, надписи на предметах прикладного искусства: 1) светского предназначения (оружие; драгоценная утварь); 2) предметах христианского культа (ковчеги, оклады икон, церковные сосуды; на крестах, иконках, змеевиках); в-третьих, надписи на дереве; в-четвертых, монументальные надписи (на мозаиках, фресках, на каменной резьбе, а также на камнях и крестах²⁶. С развитием в XI в. церковного каменного строительства появляются и надписи-граффити на стенах храмов. Естественно, что границы между рубриками этой классификации не являются жесткими.

Многочисленные граффити — надписи и рисунки XI–XV вв. — сохранились в настоящее время на древних участках церковных стен в

ж)»: Попконстантинов К., Константинова В. За два амулета с апокрифни молитви от X в. // Палеославистика и эпиграфика. В памет на проф. Иван Гъльбов. Велико Търново, 1988. С. 29.

²⁵Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.

²⁶Медынцева А.А. Грамотность. С. 14.

Киеве, Новгороде, Старой Ладогe, Полоцке, Галиче Волынском, Пскове, Владимире, Старой Рязани. В Киеве граффити обнаружены в Софийском соборе, в Михайловской церкви Выдубицкого монастыря, на стенах Зверинецких пещер и Ближних пещер, в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры, в церкви Спаса на Берестове, в Кирилловской церкви²⁷. В Новгороде — в Софийском соборе²⁸, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и соборе Рождества Богородицы в Антониевом монастыре, в церкви Спаса на Нередице, в церкви Феодора Стратилата на Ручью, в церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах), в церкви Николы на Липне, в церкви Успения на Волотовом поле, в церкви Спаса Преображения Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке, в церкви Рождества Богородицы Снеготорского монастыря в Пскове и в других древнерусских храмах²⁹. Подавляющее большинство памятников древнего зодчества пострадали от поздних перестроек, разрушений в 1920–1930-е гг. и особенно жестоко в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Поэтому многие надписи выявлены и продолжают выявляться в последние десятилетия в процессе реставрации и расчисток фрагментов древней живописи. Их прочтение сопряжено со значительными трудностями, связанными с состоянием древней штукатурки, выбоинами и утратами. Топография надписей показывает, что практически любая поверхность стен, столбов и лестничных башен могла служить «писчим материалом» для грамотных людей самых разных социальных слоев.

Согласно классификации памятников эпиграфики, предложенной С. Франклином, в зависимости от того, как соотносится вид письменности с предметом, на который нанесен текст, граффити на церковных стенах относятся к так называемой «третичной» письменности (письменности *третьего разряда*), т. е. к текстам на поверхности, специ-

²⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

²⁸ *Щепкин В.Н.* Новгородские надписи graffiti // «Древности». Труды Московского археологического общества. М., 1902. Т. XIX, вып. III. Наиболее полное издание см.: *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. Из других храмов Новгорода см.: *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

²⁹ *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV веков. С. 81–95; *Она же.* Древнерусские надписи; *Она же.* Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живога. М., 2006. С. 45–55; *Она же.* Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // *Царевская Т.Ю.* Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 339–382; *Калечыц І.Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011.

ально не предназначенной для письменности, в отличие от рукописей, берестяных грамот, цер (это письменность *первого разряда*), или надписей на печатях, монетах, крестах-энколпионах, мемориальных крестах, иконах, фресках, предметах церковной утвари, миниатюрах в рукописях (это письменность *второго разряда*)³⁰. Данная классификация удачно отражает функцию и прагматику каждого типа надписей, однако, как и любая другая, она не может полностью охватить весь имеющийся в нашем распоряжении материал, поскольку границы между рубриками неизбежно пересекаются. Так, богослужебные надписи-граффити, цитирующие тот или иной литургический текст, являются отражением основной литургической функции храма, что позволяет считать их текстами пограничного характера. Вряд ли поэтому можно полностью согласиться с мнением С. Франклина, согласно которому граффити на церковных стенах функционально не связаны со своим «писчим материалом». Библейские, гимнографические и литургические цитаты, которые воспроизводили на стенах храмов в составе росписей мастера-живописцы, а в личных записях в виде граффити прихожане и священнослужители, молитвенные возгласы и автографы прихожан так или иначе иницированы литургической традицией. Проявлению этой традиции на вроде бы не предназначенном для письма материале способствовало само литургическое пространство храма.

Естественно, что подавляющее большинство сохранившихся и вновь выявляемых граффити составляют формулы «Господи помози Х» и «Х писал», например: *Г(оспод)и помози рабоу своему Петрови* (XII в., София Киевская)³¹; *Г(оспод)и помози рабоу своему Нъжятъ Иваничоу* (XI в., София Новгородская)³²; *Г(оспод)и помози рабоу своему Матфѣю* (XIII в., церковь Спаса на Нередице)³³; *Стефанъ п(ь)саль* (XI в. Софийский собор)³⁴ и т. п., причем обе эти формулы могут быть представлены в одном тексте. Акт произведения надписи на церковной стене, во время богослужения, выполнял заместительную функцию молитвы и покаяния. Встречаются тексты с эмоциональным возгласом, например: *Охъ мн(ѣ), не осоуд(и) мене, с(вя)ты(и) (О)ноуфрши, се направи мя на путь истъньныи, съпаси д(у)шу грѣшъну* (София Киевская, XII в.)³⁵, *Охъ мѣне грѣшъникуу, недостоиномуу*

³⁰ Франклин С. Письменность. С. 131.

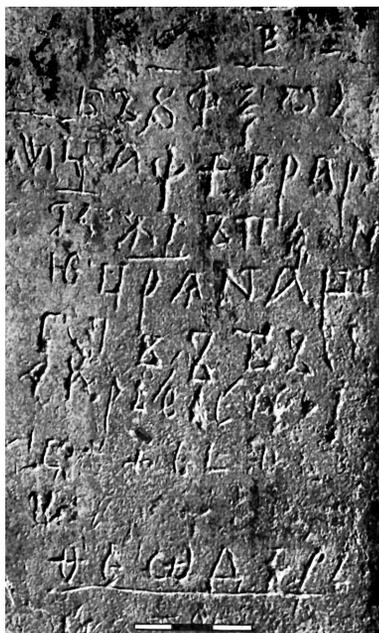
³¹ Высоцкий С.А. Средневековые надписи. С. 31, № 106.

³² Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 67.

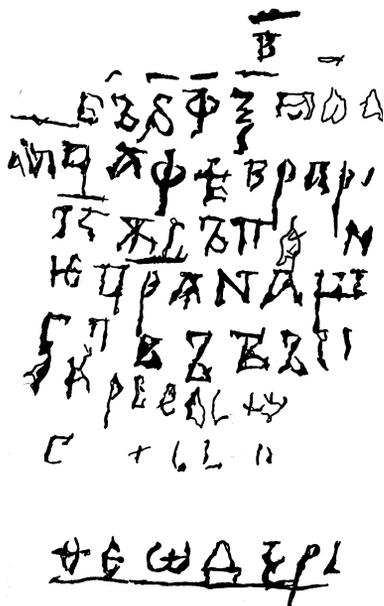
³³ Рождественская Т.В. Древнерусские надписи. С. 87.

³⁴ Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 53.

³⁵ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи. № 69; Зализняк А.А. К изучению древнерусских

а. Фото

б. Прорись

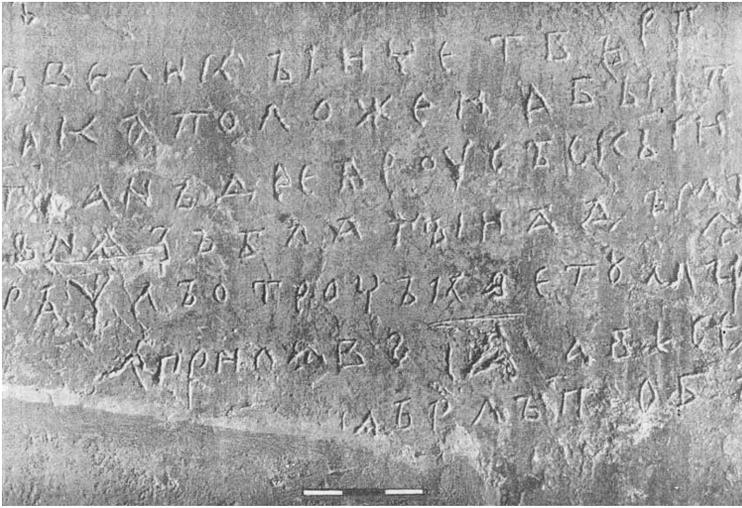
Рис. 1. Надпись XI в. о смерти князя Ярослава Мудрого: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. Табл. IX, 1 (фото); табл. X, 2 (прорись).

«Въ л(ето) 6562(1054) м(еся)ца февраля в 20-ый (день) успение царя нашего, в воскресенье, в неделю мученика Феодора»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 269.

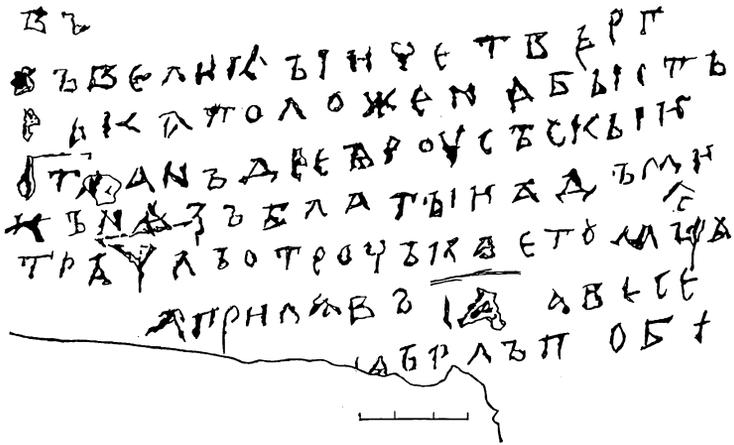
рабу твоему, помилуй, Г(оспод)и, и отведи мя от мук(ы) вечное, и(зъ)бави ... и от напаст(и. Ам)инь (София Киевская, XI в.)³⁶. Большинство таких стандартных надписей — это автографы. Нельзя, однако, исключить и того, что надпись с «господи помози» могла быть сделана не тем человеком, чье имя названо, а кем-то другим. Оставляя на стене автограф *X писал*, создатель надписи говорит о себе в третьем лице. Примечательно, что воеводе князя Всеволода Ярославича Ставру Городятиничу, оставившему в конце XI или в начале XII в. на стене киевской Софии две надписи, понадобилось особо подчеркнуть авторство своего обращения к Богу за помощью: *пс(а)ль Ставьрь*

надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиттинус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 269.

³⁶Там же. С. 271.

а. Фото

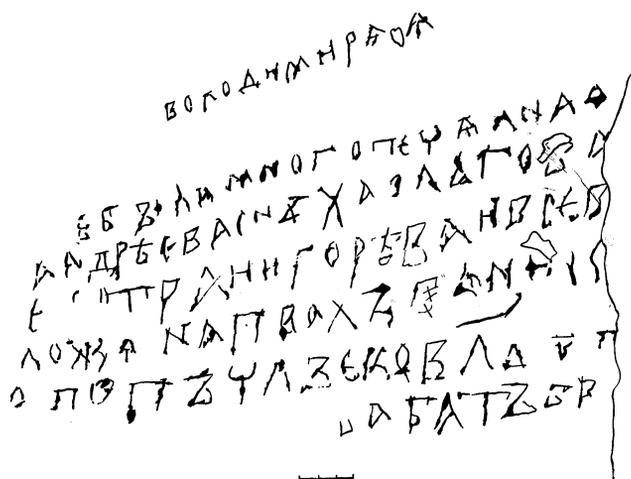
б. Прорись

Рис. 2. Надпись о погребении в раке в 1093 г. князя Всеволода (в крещении Андрея) Ярославича: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. Вып. I. Табл. V, VI.

«Въ великий четвергъ рака положена бысть. То Андрей русский князь благий. А Дмитрий писалъ, отрочекъ (дружинничек. — *Т.Р.*) его, месяца апреля в 14-й день. А умеръ в среду по обеде (пополудни. — *Т.Р.*)»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 262.

а. Фото

б. Прорись

Рис. 3. Надпись XII в. о посещении Софии Киевской княжескими особами: *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Табл. IX, X.

«Володимирия сде была многопечальная Андреева сноха Ольгова сестра и Игоревя и Всеволожа на праздникъ. А попь писалъ Савль, богать грехы»: *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 284.

*Городятиничъ и Г(оспод)и помози рабу своему Ставърови недостоину рабу твоему*³⁷.

Помимо многочисленных молитвенных и богослужебных надписей, цитирующих фрагменты церковной службы, что вполне естественно на церковных стенах, нам известны надписи «летописного» характера о заметных событиях в жизни прихода, храма, города, а среди них несколько, упоминающих имя того или иного князя. В них сообщается либо о смерти и погребении князя, либо о его посещении храма, либо о какой-то княжеской акции. Так, в киевском Софийском соборе имеется известное датированное граффито о смерти князя Ярослава Мудрого: *Въ л(ѣто) 6562 м(еся)ца фѣв(р)яря 20 усьп(ени)е ц(а)ря наш(е)го въ вѣс(кръсен(ие) въ н)ед(ѣлю) (моу)че(Ника) Феодора*³⁸ (Илл. 1), о погребении князя Андрея-Всеволода Ярославича в раке³⁹ (Илл. 2). В надписях называются и имена тех, кто не делал надписей самостоятельно, но чье присутствие в храме было достойно упоминания, — это прежде всего князь, члены его семьи, его ближайшее окружение. Так, в Софии Киевской сохранилась надпись XII в. о посещении собора «на праздникъ» князьями Игорем, Святославом, Олегом и вдовой Владимира Андреевича Дорогобужского, которых С.А. Высоцкий отождествил с персонажами «Слова о полку Игореве»⁴⁰ (Илл. 3). На стене лестничной башни Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря надпись первой половины XII в. сообщает о том, что «князь был на Федоров день Мстислав» (Илл. 4). Нижняя дата надписи ограничена 1119 г. — временем закладки собора. Речь идет, скорее всего, о сыне Владимира Мономаха Мстиславе Владимировиче, который, будучи с 1125 г. великим князем киевским, присутствовал в новгородском соборе в день памяти своего небесного патрона⁴¹. Никаких летописных свидетельств о приходе в Новгород этого князя после 1117 г., когда он был отозван отцом в Киев, не известно. Судя по месторасположению граффито на стене при выходе на лестничную площадку, ведущую на хоры, где во время богослужения

³⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 56–57.

³⁸ *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 268–269. Указание на год смерти того или иного персонажа является факультативным. Значительно важнее было указание календарного дня смерти, а часто и имени святого, поминание (память) которого приходилась на этот день. Ведь цель таких надписей — ежегодное поминание в церкви во время богослужения.

³⁹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 18–24; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 258–262.

⁴⁰ *Высоцкий С.А.* Киевские граффити. № 307. Исправленное чтение см.: *Янин В.Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. М., 1992. № 2. С. 30.

⁴¹ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи. С. 59–62.

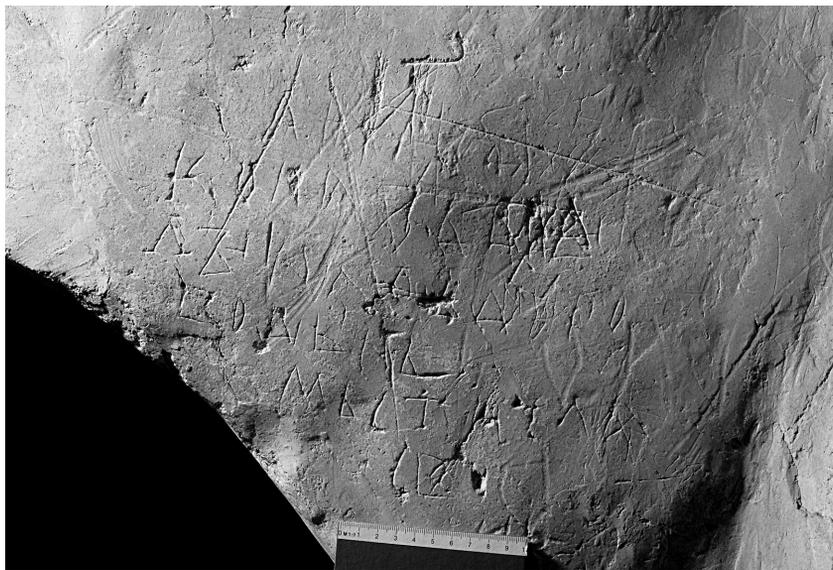

Рис. 4. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Новгород. Надпись первой половины XII в. с именем князя Мстислава: «**Коназь были на Феодорово днь Мстисласво**» («Князь был на Феодоров день, Мстислав»).

располагалась княжеская семья, автор надписи (как свидетельствует орфография — новгородец) мог входить в ближайшее окружение князя. Исключительный интерес представляет еще одна надпись «летописного» характера XI в. в новгородском Софийском соборе, принадлежащая Николе — «пришельцу из Киева-града от своего князя Ярослава», который идентифицируется с известным по летописным источникам боярином князя Ярослава Мудрого Микулой Чудином⁴². Эту надпись в строгом смысле слова можно отнести к паломническим, в которых авторы подчеркивают факт своего прихода в храм или называют место жительства или города, откуда они пришли. Есть основания предполагать, что многие надписи без этих сведений, но содержащие в себе формулу «Господи помози» либо автографы, так или иначе могли принадлежать паломникам. Во всяком случае паломнический статус авторов специально не оговаривался. Видимо, для паломника было достаточным, достигнув цели своего путешествия, просто оставить свое имя на стене святыни, обратиться к Богу за помощью и прощением грехов, тем самым получить желаемую Благодать.

⁴² *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 114–124; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 275–276.

С деятельностью князей связаны и две надписи — два юридических документа: надпись XII в. из Софии Киевской о покупке княгиней *Всеволожей Бояней земли* стоимостью в 70 гривен собольих⁴³ и надпись первой половины XIII в. из церкви св. Пантелеймона в Галиче, сделанная «в княжение Мстиславле, в державу Игнатову» о предъявлении иска некоему *Ляху* и о закрытии князем судебного разбирательства⁴⁴. И та, и другая надписи были сделаны на тех участках стен, которые не входили в общий объем храма, однако выполненные для памяти, они освящались авторитетом церкви.

Роль церкви в формировании и развитии грамотной среды несомненна. Среди авторов и персонажей граффити⁴⁵ значительную часть составляют духовные лица — архиепископ, священники, дьяки, попович, пономарь, проскурница, жена «писца иконного». Богослужебные граффити, цитирующие тексты Св. Писания и церковных служб, по всей вероятности, принадлежат священнослужителям. Они сохранились в Софии Киевской (цитаты из Октоиха), Софии Новгородской (*аз(ъ) ж(е) въз(е)селюся, Господи*, Пс. 103. 14)⁴⁶, в других храмах Новгорода — в церкви Спаса на Нередице (фрагменты великопостной службы Шестого часа, начала XIV в., слова *ирмосов* службы на Успение пресв. Богородицы, XV в.), в церкви Феодора Стратилата (фрагменты запричастного стиха, XV в.), на столбе жертвенника церкви Успения на Волотовом поле (фрагменты начала XV в. *священнических возгласов* службы Всенощного бдения, стихира и тропарь *утрени* Великого Пятка)⁴⁷. На фрагментах древней штукатурки из раскопок начала XX в. церкви св. Климента в Старой Ладогe сохранился текст конца XII — начала XIII в. литургической песни «Ныне силы небесные с нами невидимо служат» (Литургия Преждеосвященных даров)⁴⁸. На стене Мартирьевской паперти Софии Новгородской сохранилась надпись начала XIII в.: *и пак(ы) ти рекоу, о доуше моя: чемоу лежиши, чемоу не възстанеши, чемоу не молиши ся Господу своему днь и (но)чь, зьло видоучи, а добра не видоучи, чоужемоу доброу завидоучи, а сама*

⁴³ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 60–71, № 25.

⁴⁴ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи. С. 126–134.

⁴⁵ Под «автором» мы понимаем того человека, кем сделана надпись. Он может оставаться безымянным, но может себя назвать. Прежде всего, это относится к надписям типа «X писал это».

⁴⁶ *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 146–148; *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей. С. 277–278.

⁴⁷ *Рождественская Т.В.* Язык и письменность средневекового Новгорода: богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008.

⁴⁸ *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения). Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994. С. 16–17.

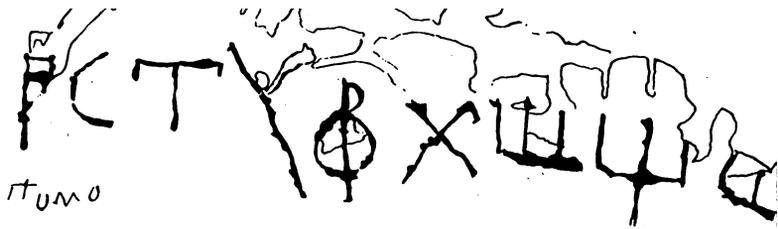

Рис. 5. Фрагмент азбуки XI в.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 268–269, табл. III, 2 (прорись)

*добро не творячи?*⁴⁹ Этот текст с аллюзиями на покаянные каноны Андрея Критского и Романа Сладкопевца не находит точных параллелей в богослужебных сборниках, но скорее имеет отношение к жанру покаянных стихов, русская рукописная традиция которых датируется не ранее конца XV–XVI в. В надписи из Мартирьевской паперти начала XIII в. мог отразиться один из ранних этапов сложения этого жанра⁵⁰. Анализ библейских и гимнографических цитат на стенах храмов в сопоставлении с рукописной традицией обнаруживает ряд разночтений, которые могли быть связаны как с разными редакциями этих текстов, так и с особенностями приходского богослужения⁵¹.

Помимо принадлежащих к духовному сословию, на стенах храмов оставляли граффити и светские лица — княжеские отроки и дружинники. Не поддается определению социальный статус авторов большинства надписей типа «X писал». Подавляющее число надписей сделано мужчинами. Авторы покаянных и молитвенных надписей, обращенных к Богу, к св. Софии, к святым (помоги, спаси, помилуй) часто называют себя привычными в быту нехристианскими именами, чем значительно расширяют известный нам состав древнерусских имен (*Витомир, Воинег, Дадята, Нежата, Перенег, Радко, Сводька, Своята, Святонег, Сновид, Фарьман, Хотко, Чудил* и др.). Ряд надписей выполнены орнаментированными почерками, часто сопровождаются рисунками крестов, человеческих фигур, элементами орнамента.

⁴⁹ *Рождественская Т.В.* Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // *Русь и южные славяне*. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 234–239; уточненное чтение см: *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // *ДР*. 2011. № 2. С. 39–42, 49–50.

⁵⁰ *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники. С. 18.

⁵¹ *Афанасьева Т.И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004. С. 32–55; 123–127; *Турилов А.А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // *Древнерусское искусство*. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 321.

Некоторые из них выдают руку опытных художников, профессионально владеющих этим мастерством. В Софии Новгородской сохранились автографы художников *Стефана, Сежира и Олисея*, принимавших участие в росписи собора⁵². Ряд надписей оставлены людьми, не слишком искусственными в книжном письме, хотя и привыкшими к грамоте как к культурному явлению повседневности. На стенах многих церквей обнаружены фрагменты кириллических азбук *а, б, в, г, д...* и т. д. Для истории русского письма исключительный интерес представляет кириллическая азбука XI в. необычного состава, открытая С.А. Высоцким на стене Софии Киевской и состоящая из 27 букв, из которых только 4 славянских — *в, ж, ш, щ*⁵³ (Илл. 5). Происхождение ее дискуссионно: С.А. Высоцкий считал ее ранним вариантом письменности, которую использовали в христианских общинах на Руси до официального Крещения; другие исследователи (Т.А. Иванова) видели в ней ученический и не вполне удачный опыт овладения кириллицей; В.Л. Янин, включив эту азбуку в контекст азбук на бересте, назвал ее «азбукой неполного состава». В совокупности с другими азбуками в берестяных и эпитафических источниках, азбука из Софии Киевской свидетельствует о вариантности кириллической азбуки в ранний период русской письменности и о приспособлении славянского алфавита к восточнославянской фонетической системе⁵⁴.

Многочисленны и разнообразны на стенах храмов и рисунки-граффити (Илл. 6). Наиболее распространены изображения *крестов*, зачастую сплошь покрывающие участки древней штукатурки. Крест символизировал и замещал собой молитвенный возглас или покаянную формулу. Все это свидетельствует не только об упражнениях в письме, но и об особом, сакрализованном отношении к письменному слову и грамоте в целом. Видимо, неслучайно в XII в. некий Даята написал на стене Софии Новгородской «*Даята писал слова*»⁵⁵, а Лазорь в начале XIV в. на столбе новгородской церкви Спаса на Нередице трижды процарапал *Лазорь писал грамоту*⁵⁶. Эти примеры показывают, что некий киевлянин *Даята*, как и новгородец Лазорь, сознательно подчеркнул свое владение грамотой как особое умение. По-видимому, те, кто воспроизводил на стенах церквей, а также и на полях рукописных книг начальные буквы славянской азбуки (как глаголицы, так и

⁵² Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 32–61.

⁵³ Высоцкий С.А. Средневековые надписи. С. 12–23, № 100.

⁵⁴ Мединцева А.А. Грамотность. С. 80.

⁵⁵ Мединцева А.А. Древнерусские надписи. С. 259, № 158.

⁵⁶ Рождественская Т.В. Древнерусские надписи. С. 81–82.

a. Церковь Спаса на Нередице. Новгород. Воин. XIV в.

b. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Буквицы. XV в.

Рис. 6. Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов.

c. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Павлин.
XV в.

d. Церковь Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле. Новгород. Всадник.
XV в.

Рис. 6. Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов.

кириллицы), демонстрировали не только свое знание грамоты, но и свою причастность к христианской письменной традиции, проявление личного благочестия.

Примечательно, что немного ниже надписи *Даляты* на стене дважды прочерчена орнаментированная буква **В**, формы которой находят аналогии в инициалах древнерусских рукописей XI–XII вв. Если *Далыта* являлся автором не только надписи, но и этих рисунков, то можно предположить, что он имел отношение к книжному письму.

Та или иная степень владения «авторов» граффити навыками книжного письма может быть определена по палеографическим и графико-орфографическим признакам. Среди граффити встречаются как надписи, сделанные красивым уверенным почерком с соблюдением норм стандартной орфографии, так и надписи, сделанные небрежно, с пропуском букв, с неровными строками, имеющие отклонения от нормативной орфографии. Палеографические и графико-орфографические особенности надписей показывают, что многие из авторов владели приемами книжного письма и нормами церковнославянского языка. Язык древнерусских надписей-граффити в целом традиционен, однако в ряде случаев (более всего это относится к новгородским надписям) в надписях отражаются диалектные черты, «бытовые» графические системы. Живые явления древнерусской речи в значительно меньшей степени отразились в текстах на церковных стенах, чем в берестяных грамотах, что вполне объяснимо: этому препятствовала специфика жанра надписи на церковной стене, функционально и тематически так или иначе связанного с богослужением, поминанием и покаянием. Такие граффити, созданные в литургическом пространстве храма, обращены, как правило, к Богу или святым, и в них используются устойчивые формулы церковнославянского книжного языка. Берестяные грамоты, напротив, всегда имеют конкретных адресатов, и их создание связано с конкретными житейскими ситуациями. Поэтому они, в отличие от большинства граффити, ярче отражают восточнославянский диалектный уzus.

В Софии Киевской, в Софии Новгородской, в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря обнаружены и глаголические граффити, и граффити «смешанного» типа — кириллическо-глаголические⁵⁷. Все они датируются XI — началом XII в. В большинстве это

⁵⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 37, 41, 52, 126–127.; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи. С. 25–32; *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV веков. СПб., 1991. С. 76; *Она же.* Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. дфн Румяна Павлова.* София, 2003. С. 338–345.

фрагменты молитвенных формул (*господи, помози, спаси, помилуй*). В 2010–2011 гг. А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым обнаружены новые глаголические граффити на стенах Мартирьевской паперти Софии Новгородской и на фрагментах древней штукатурки из раскопок новгородской церкви Благовещения на Городище⁵⁸. Это важное свидетельство того, что, хотя глаголица на Руси и не имела широкого распространения (мы не располагаем ни одной глаголической рукописью, написанной русскими книжниками⁵⁹), налицо знакомство с ней не только профессиональных книжников, но и какого-то количества прихожан, относившихся, по-видимому, к высокому социальному слою.

Древнерусский храм предстает, таким образом, своеобразным памятником письменности, соединившим разновременные и разножанровые тексты. Как свидетельства функционирования письменности и уровня грамотности древнерусского общества, надписи-граффити содержат не только историческую информацию, подчас уникальную, но и сведения о развитии письма, о графико-орфографических навыках авторов, о знакомстве их с глаголической азбукой, о степени владения ими церковнославянским языком, о влиянии местного диалекта, о репертуаре богослужбных и литературных текстов, воспроизводившихся по памяти, наконец, о языковой и книжной культуре жителей древнерусского города.

Краткий обзор эпиграфических источников демонстрирует широкое бытование церковнославянской языковой культуры в повседневной жизни средневекового города. Эта культура создавала почву для формирования грамотной городской среды. Одновременно с расширением функций богослужбного языка, грамотность подвергается на практике десакрализации, проникает в быт и получает в нем широкое распространение. Она становится неотъемлемой частью городской культуры не только в среде духовенства, но и в разных социальных слоях средневекового города.

Взаимосвязь на Руси государственных функций и письменности в широком смысле была обусловлена тем, что письменная традиция у восточных славян изначально развивалась как следствие крещения и христианизации страны. Введение письменности на своем

⁵⁸ Гиппиус А.А., Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити Софийского собора. С. 49–50. Выражаю сердечную признательность А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву за предоставленный материал.

⁵⁹ Для XI–XIII вв. известно лишь восемь кириллических рукописей преимущественно северорусского происхождения с глаголическими «вкраплениями» отдельных фраз и букв: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984 (№ 30, 31, 41, 45, 50, 105, 176, 306).

языке при помощи славянского алфавита одновременно с усвоением византийско-христианских традиций способствовало тому, что кириллическая письменность закрепила за славянским языком на Руси статус государственного.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева Т.И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.

Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I.

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976.

Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950–1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2007. № 1.

Гиппиус А.А., Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // ДР. 2011. № 2. С. 39–50.

Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.

Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI.

Калечыц І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011.

Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.

Мельникова Е.А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Попконстантинов К. Разпространение на старобългарската писменост през IX–X в. // Старобългарска литература. 1985. 17. С. 39–69.

Попконстантинов К., Константинова В. За два амулета с апокрифни молитви от X в. // Палеославистика и епиграфика. В памет на проф. Иван Гълъбов. Велико Търново, 1988.

Попконстантинов К., Костова Р. Скрипторият в Равненския манастир: още веднъж за украсата на старбългарските ръкописи от IX–X вв. // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване. Medieval Christian Europe: East and West. Tradition, Values, Communication. София, 2002. С. 719–725.

Рождественская Т.В. Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.

Рождественская Т.В. Древнерусская эпитафия X–XV веков. СПб., 1991.

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

Рождественская Т.В. Эпиграфические памятники Древней Руси. X–XV вв. (проблемы лингвистического источниковедения). Дисс. ... д-ра. филол. наук. СПб., 1994.

Рождественская Т.В. Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 234–239.

Рождественская Т.В. Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Slavica Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д-р Румяна Павлова. София, 2003. С. 338–345.

Рождественская Т.В. Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 45–55.

Рождественская Т.В. Воины и корабли в древнерусской эпитафике // Труды по русской истории. Сб. ст. в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 264–275.

Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 339–382.

Рождественская Т.В. Язык и письменность средневекового Новгорода: богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М., 1995.

Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

Щепкин В.Н. Новгородские надписи graffiti // «Древности». Труды Московского археологического общества. М., 1902. Т. XIX, вып. III.

Янин В.Л. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. М., 1992. № 2.

Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору и анализу древнейшего пласта древнерусской письменности «докнижного периода», прежде всего, разнообразным (разноязыковым) памятникам эпиграфики. В статье также обобщены данные о комплексах граффити древнерусских храмов, отражающих повседневную («бытовую») практику использования письменности. В статье собраны практически все новые данные о находках граффити последнего времени и предложены новые интерпретации известных надписей. Отдельное внимание уделено анализу социокультурных функций письменных практик на Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, становление письменности, графические системы, эпиграфика, древнеболгарские надписи, кириллица, глаголица, граффити.

ABSTRACT

The paper presents an overview of the oldest stratum of Russian written records before and soon after the official Christianization of Rus and the introduction of Cyrillic writing. The paper provides the exhaustive analysis of

epigraphic texts, especially of complexes of graffiti in Pre-Mongol churches, which reflected the everyday practice of writing in Old Rus. Almost all new findings of graffiti are collected and discussed and new interpretations of well-known inscriptions are suggested. Special attention is paid to the analysis of socio-cultural functions of writing practices.

Key words: Ancient Rus', emergence of writing, writing systems, graphic systems, epigraphic data, ancient Bulgarian inscriptions, Cyrillic alphabet, Glagolitic alphabet, graffiti.